

национального самосознания, или посредством высших сил, или через сакрализацию самого государства и его народа, как на определенном этапе развития СССР. Утрата законности приводит и к деконструкции системы даже при внешнем ее благополучии — Российская империя, Советский Союз.

Постмодерн последовательно отменяет государство, народ, семью, личность. Неоконсерватизм делает попытку реконструкции указанных социальных институтов, а в нашем случае возможно и их формирование почти с нуля, что возможно и станет государственной задачей на ближайшие десятилетия.

Марченя Павел Петрович,

кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Правовые мифологемы и юридическое образование в эпоху перемен

Еще более полувека назад в статье, посвященной 50-летию Октябрьской революции, расколовшей мир на «до» и «после», советский философ М. А. Лифшиц сформулировал неутешительную психологическую оценку общемировой ситуации зреющей глобальной «эпохи перемен», уже тогда обозначившей повсеместно растущие угрозы всеобщей истории Новейшего времени: «Проклятие несовершенство перемен написано огненными буквами на стенах этого мира. Вот откуда растет отрицательный потенциал, сделавший современность эпохой страха»¹.

Увы, за прошедшее с тех пор время актуальность этого тревожного диагноза современности как эпохи страха не только не уменьшилась, но еще более возросла. Нынешняя эпоха перемен стремится и вовсе выродиться в эпоху отмен, делая вполне возможным уже даже не просто *Конец истории* а-ля фукуяма, а самый настоящий *Конец Света*. *Конец* в его подлинном, эсхатологическом смысле.

Охватившие к настоящему времени практически весь мир глобалистические (дай Бог! не апокалипсические) перемены вынуждают не только соответствующих специалистов и философское экспертное сообщество России, но и всех думающих граждан, в страхе перед будущим (и тем более, возможностью его утраты), искать опоры в прошлом. В нашем родном, по-прежнему великом, но и по-прежнему непредсказуемом прошлом.

И поневоле приходится радикально переоценивать привычные связи былого и предстоящего, вне своего собственного, «настоящего» времени, искать ответы на крайне болезненные вопросы, порожденные нелинейными траекториями истории и неподдающимися глобализаторским расчетам временные парадоксы так называемой эпохи перемен.

Так куда же мы все-таки идем, *вперед в минувшее* или *назад в грядущее*? На фоне беспрецедентной эскалации конфликта цивилизаций, империй, военно-политических блоков и историко-философских смыслов необратимо творящейся на наших глазах Истории, *прогнозы на прошлое* и *воспоминания о будущем* становятся не только забавой для профессиональных гуманитариев и «инженеров человеческих душ», но и мучительной необходимостью для самого широкого круга людей, пытающихся осознать, что происходит сегодня с Россией и миром. И что с ними будет дальше...

Но, разумеется, особая роль в подобном осознании и самосознании общества принадлежит его рефлексующим элитам, несущим интеллектуальную и духовную ответственность за адекватность социальных ответов на вызовы Новейшей истории. Угрожающие выживанию традиционных цивилизаций и сохранению традиционных ценностей перемены современного «смутного времени» настоятельно требуют от социума и его элит обращения (а в чем-то и *возвращения*) к самим традициям, истокам, корням своей идентичности, к коллективной исторической памяти, идеологе-

¹ Лифшиц М. А. Нравственное значение Октябрьской революции // Скепсис. URL: http://scepisis.ru/library/id_184.html (дата обращения: 01.11.2022). (Статья была написана в 1967 г., но в те времена в печати не появилась. Впервые в сокращенном варианте была опубликована в журнале «Коммунист» в 1985 (№ 4). Но более полный вариант см.: Лифшиц М. А. Собрание сочинений: в 3 т. Москва: Изобраз. искусство, 1988. Т. 3. С. 230—258).

мам и мифологемам, определяющим место цивилизации в мировой истории и «коридор» выбора приемлемых для нее альтернатив.

Разумеется, не могут не реагировать на эти вызовы и пытающиеся осмыслить соотношение *перемени* и *памяти* философы, в том числе философы права. Неслучайно так много докладов на посвященном Всемирному дню философии прошлом круглом столе, организованном кафедрой философии Нижегородской академии МВД России, были посвящены именно историософскому и философско-правовому переосмыслению значения традиций и памяти в контексте трансформаций российской правовой реальности¹.

События, которые произошли уже после этого Стола и публикации его материалов (начало Специальной военной операции России на Украине и беспрецедентное обострение противостояния с Западом, грозящее перерасти из гибридных форм войны в Армагеддон), обратили эту проблематику в один из главных идеологических вызовов миропорядку в целом.

Не секрет, что огромное значение в контексте как мирной жизни, так и, тем более, войны цивилизаций, принадлежит мифам, которые, будучи использованы в качестве инструментов воздействия на массы и массовое сознание, способны выполнять, в том числе, и прямо противоположные социально значимые задачи, как созидательные, так и разрушительные.

Все известные «великие смуты» России, в сущности (если предельно редуцировать по смыслу), начинались с попыток утративших цивилизационную идентичность («самозванных») элит прервать Традицию (нарушить «связь времен») и подменить архетипические мифологемы Российской цивилизации мифологемами цивилизации иной («Западной»). Усилия самозванцев по десакрализации Русского Мифа и легализации западоцентристских мифологем на время («смутное время») разрывали идейно-психологическую связь «власти» с «темным» народом до тех пор, пока из недр последнего не возрождалась вновь признаваемая «своей» Власть, восстанавливающая историческую преемственность Русского Мира и Русского Мифа. И исключительно значимую в этом «российском транзите» роль выполняло и выполняет именно русское правовое сознание².

Для настоящего текста, ограниченного форматом и объемом, поставленная проблема слишком велика и широка. Попробуем «сузить» — и выберем в качестве примера чуждых Российской цивилизации и Русскому Мифу правовых мифологем одну, которая давно и очень часто используется как инструмент информационно-психологической войны против России. Причем не только действующими сознательно явными агентами иной цивилизации, но и отечественными авторами, и, увы, возвращающими молодежь преподавателями, в том числе и неосознанно. Иногда и российские патриоты (и я сейчас использую это слово без кавычек) участвуют в таком размене мифами на стороне противника, распространяя информационные мины (в том числе даже в ведомственных силовых вузах!), объективно работающие против России, российской цивилизации. Фактически выступают на стороне того самого «коллективного Запада», с которым мы сейчас находимся в состоянии войны.

Итак, лишь один пример, неочевидный и небесспорный, но зато хорошо знакомый всем коллегам.

¹ См., напр.: Дахин А. В. Россия как правовое государство: проблема конституционной идентичности и роль коллективной памяти // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1. С. 218—223; Фатенков А. Н. Право на прошлое: вечное возвращение и лабиринты памяти // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1. С. 223—225; Треушников И. А. Рефлексия правосознания сквозь призму религиозной философии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1. С. 225—228; Анисин А. Л. Правотворчество как память и как продуктивное воображение // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1. С. 228—231; Ивашевский С. Л. Память о социальном порядке и порядок социальной памяти // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1. С. 236—239; Супрунов А. Г., Васильев В. В. Развитие исторической памяти в образовательном пространстве вуза МВД России: методические и аксиологические аспекты // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1. С. 239—241; Париков О. В. О соотношении традиционного и общечеловеческого в праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1. С. 245—247.

² См., напр.: Марченя П. П., Стрелкова Н. В. Право и смута: массовое правосознание в контексте формирования и преодоления системных кризисов в России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1. С. 251—253; Марченя П. П. Массовое правосознание как фактор русской революции 1917 г. // История государства и права. 2010. № 19. С. 20—23.

Слишком многие наши теоретики и философы права, а также заодно историки, социологи, культурологи, политологи, реальные политики, не говоря уже о публицистах, любят порассуждать о «неразвитости», «ненормальности», «неправильности», «деформированности», «нигилистичности» русского правового сознания. О так называемом «правовом нигилизме», якобы свойственном русскому народу гораздо более, чем народам «цивилизованных стран», под которыми, понятно, подразумевается Запад, люто жаждущий нас «цивилизовать» и навязать свой «орднунг» еще со времен «псов-рыцарей» Тевтонского и Ливонского орденов, уже тогда мнящих себя «крестоносцами», несущими на «темный варварский» Восток «свет истинной веры».

Русский народ создал самое большое в мире государство и много веков на колоссальном пространстве Евразии поддерживает свое право и свой собственный цивилизационный правопорядок. Это факт исторической практики, с которым адекватные люди вряд ли возьмутся спорить. Но парадоксальным образом этот неоспоримый практический факт, даже в русле нашего (отечественного!) юридического образования, пытаются противоестественно скрестить с западной мифологемой о «правовом нигилизме» и «отсталости» русского правового сознания. А естественный для живого народного правового чувства протест против чуждых, навязываемых извне юридических ценностей Запада пытаются представить как отрицание самой идеи права со стороны народа недостаточно цивилизованного, со слабой правовой культурой и неразвитым правосознанием...

Представляется очевидным, что историческая, историко- и теоретико-правовая составляющие отечественного юридического образования должны быть очищены от априорных русофобских мифологем Запада и наиболее одиозных западников и прочих компрадоров от науки, готовых даже во время войны за гранты и другие бонусы торговать цивилизационным суверенитетом России.

Стрелкова Нина Владимировна,

кандидат социологических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя;

Галанина Наталия Викторовна,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Проблема модернизации правовой идеологии в современной России

Люди, проживая свою жизнь, занимаясь повседневными делами, принимая те или иные решения, мечтая и стремясь к целям, порой не догадываются, что внутри них на глубинном бессознательном уровне существует коллективная программа, способствующая объединению индивидов в единое целое. Ядром этой объединяющей программы является некая идея, способная сплотить, направить, защитить тот или иной народ. Правовая идеология — это общественная мысль, направленная на понимание права как фундаментальной ценности, способной объединить индивидуальные стремления на всеобщее благо в рамках государства.

Одной из самых важных проблем в российском правосознании является не желание граждан к реальной политической деятельности, а именно в создании и участии в выработке политической идеологии в современных реалиях. Все в мире меняется стремительно и нам необходимо за короткий срок выработать новое прогрессивное сознание в сфере идейного обновления права и государственной идеологии. Наши представления о вере, правде и справедливости не изменились, остались те же, связанные с гуманизмом, нравственностью и любовью, но мир и люди меняются. Широкие слои русской интеллигенции демонстрируют идейную пассивность, а порой откровенную вялость и инертность. Жизнь идей стали признавать, как потустороннюю реальность, не связанную с миром потребления, новых технологий и утилитарного отношения к жизни. Свобода в идейном творчестве у нас всегда находится под подозрением как со стороны официальной государственной идеологии, так и со стороны граждан-обывателей.

Наша основная, исторически сложившаяся идея была направлена на спасение народа и мира. Мысль о всеобщем спасении — это исключительно русская мысль. Историческая судьба русского народа отличается жертвенностью, начиная от спасения Европы от татаро-монгольского нашествия.